

С. В. ФЕДОТОВ

КНИЖНИК ИННОКЕНТИЙ ДИВНЫЙ И НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ ШКОЛЫ МОНАСТЫРЯ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ ПОД БОРОВСКОМ

Иннокентий Дивный, один из «древних» учеников Пафнутия Боровского заложил основы литературной школы Боровского монастыря Рождества Богородицы. Именно он является автором Повести о преподобном Пафнутии, созданной после 2 мая 1477 и до февраля 1479 г. Его литературному стилю присущ подчеркнутый автобиографизм. Иннокентий был келарем обители, входил в состав соборных старцев и мог претендовать на должность игумена после смерти Пафнутия. Вопрос о выборе нового настоятеля стал одной из причин конфликта среди монастырской братии.

Ключевые слова: монастырские библиотеки, скриптории, монастырские литературные школы, агиография, Пафнутий Боровский, Иннокентий Дивный, Иосиф Волоцкий (Санин), Свято-Пафнутиев Боровский монастырь, Иван III Васильевич.

Изучение деятельности монастырских скрипториев, складывания и развития монастырских литературных школ является одной из наиболее актуальных задач в современных исследованиях.¹ К сожалению, творчество целого ряда сообществ монастырских книжников до сих пор остается вне поля внимания исследователей. К их числу принадлежат и книжники Пафнутиева Боровского монастыря.

Обитель Рождества Богородицы под Боровском была основана преподобным Пафнутием в 1444 г.² В последней четверти XV – первой половине XVI в. из стен монастыря вышли крупные церковные деятели и писатели: Иосиф Волоцкий, Вассиан Санин, митрополит Макарий³. Не подлежит сомнению, что в Пафнутиевом Боровском монастыре к концу XV в. не только была собрана очень хорошая библиотека, но и сложилась своя школа книжности. Монастырская библиотека второй половины XV – XVI вв., как и архив за этот период, погибли во время пожара 1610 года после взятия обители штурмом войсками Лжедмитрия II,⁴ что делает практически невозможным изучение ее полного состава. Но списки произведений, созданных книжниками этого монастыря, дошли до нас в составе рукописей других монастырских библиотек.

¹ Подробнее об этом см.: Крушельницкая. 2004. С. 3.

² Будовниц. 1966. С. 225.

³ Будовниц. 1966. С. 228; Дробленкова. 1989. С. 76–88; Лурье. С. 1988. С. 125–126, 434–439; Макарий (Веретенников), архимандрит. 2002; Хруцов. 1868.

⁴ Леонид (Кавелин), архимандрит. 1859. С. 13–14; Осипов. 1997. С. 172.

В центре внимания настоящей работы – фигура Иннокентия Дивного, с именем которого связано начало литературной школы Пафнутиева Боровского монастыря. Для рассмотрения выбраны два ключевых вопроса – литературное творчество инока и его деятельность в обители.

На Иннокентия Дивного и его литературную деятельность исследователи обратили внимание еще во второй половине XIX в. И.П. Хрущов и И.С. Некрасов отметили, что он был автором Повести о преподобном Пафнутии, в которой описаны последние восемь дней жизни старца и его погребение⁵. Особая заслуга в изучении творчества Иннокентия Дивного принадлежит В.О. Ключевскому. Он, во-первых, аргументированно датировал Повесть о преподобном Пафнутии 1477 или 1478 годом⁶; во-вторых, показал, что именно этот памятник послужил одним из источников Жития преподобного Пафнутия Боровского⁷; в-третьих, обратил внимание на то, что Иннокентием Дивным был также написан Канон преподобному Пафнутию⁸. С конца XIX и до начала XXI в. литературная деятельность Иннокентия Дивного почти не становилась объектом специального изучения. В работах Н.П. Барсукова, Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье, Л.А. Дмитриева, А.В. Топильской суждения о его творчестве основаны на выводах В. О. Ключевского⁹. Исключением в этом смысле является лишь статья Л.А. Дмитриева, в которой рассмотрены некоторые жанровые особенности Повести о преподобном Пафнутии и своеобразие стиля Иннокентия Дивного¹⁰. Подводя итог своим наблюдениям, исследователь писал о необходимости «дальнейшего внимательного и глубокого» изучения памятника и деятельности его автора¹¹.

Повесть о преподобном Пафнутии неоднократно издавалась: впервые в 1871 г. В.О. Ключевским¹², затем трижды – Л.А. Дмитриевым¹³. Однако, несмотря на несколько публикаций, ни Повесть о преподобном Пафнутии, ни ее автор так и не получили должного внимания со стороны исследователей.

⁵ Хрущов. 1868. С. XXVIII; Некрасов. 1870. С. 36–38.

⁶ Ключевский. 1871. С. 207.

⁷ Там же. С. 206–207.

⁸ Там же. С. 207.

⁹ Барсуков. 1882. Стб. 426–427; Лихачев. 2006. С. 144–145; Истоки русской беллетристики... С. 419–420; История русской литературы... С. 208–209; Лурье. 1988. С. 404–405; ПЛДР. 1982. С. 663–664; Повести и сказания Древней Руси. С. 982–983; БЛДР. 2005. С. 519; Жития святых... С. 147–151.

¹⁰ Дмитриев. 1987. С. 59–64.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² Ключевский. 1871. С. 439–453

¹³ ПЛДР. С. 478–513; Повести и сказания... С. 403–420; БЛДР. С. 254–285.

Повесть о преподобном Пафнутии сохранилась полностью только в одном списке в составе религиозно-нравоучительного сборника, который в настоящее время хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в собрании Иосифо-Волоколамского монастыря (фонд 113), № 515 (далее – РГБ, Вол., № 515)¹⁴. Сборник написан на 535 листах разными почерками полууставом, полууставом с элементами скорописи и скорописью, формат сборника в 4°.

Сборник РГБ, Вол., № 515 принадлежал Марку Левкеинскому, инок Иосифо-Волоколамского монастыря, жившему в XVI в.¹⁵ Об этом свидетельствуют пометы на полях листов сборника. На нижнем поле 1 листа сохранилась часть записи полууставом: «**Съборник Марѣка Левкѣ...**». Другая помета содержится на обороте 533 листа: «**Съборник Марка Левѣкѣвнѣскаго**». Кроме того, на обороте 1 листа содержится сохранившийся фрагмент другой пометы: «**Макарен читал сню**». Состав и краткое палеографическое описание сборника РГБ, Вол., № 515 даны в работах иеромонаха Иосифа и П.М. Строева под № 319¹⁶. В этих описаниях рукописей сборник Марка Левкеинского датирован XVI веком¹⁷.

На наш взгляд, текст Повести о преподобном Пафнутии содержит достаточно информации для аргументированного решения вопроса об авторстве в пользу Иннокентия Дивного. Еще В.О. Ключевский обратил внимание на небольшой отрывок, в котором автор говорит о себе в первом лице и тут же называет свое имя: «**Таже рече ми старецъ: “Иннокентѣи!” Азъ же прилѣжно зрѣхъ на священнѣцю его главѣ, что хощеть рещи**»¹⁸. Отметив приведенный фрагмент как убедительное свидетельство авторства Иннокентия Дивного, Ключевский счел проблему решенной и не стал рассматривать ее более детально. Однако представляется необходимым остановиться на атрибуции Повести подробнее.

Как видно из рассмотренного примера, характерной особенностью стиля автора Повести о преподобном Пафнутии является употребление местоимений первого лица единственного числа. Автор хорошо осознавал, что часто пишет именно о себе и своей роли в происходящих событиях, и в связи с этим он отметил: «**Отци и братне! Да никѣто же ми зазритѣ, понеже множицею себе именуѣю. Увы моему оканьству! Аще ли себе ѹмльчю, вся имам ложна писати**»¹⁹.

¹⁴ РГБ, Вол., № 515. Л. 395–419.

¹⁵ Дмитриева. 1989. С. 102–103.

¹⁶ Иосиф, иеромонах. 1882. С. 149–154; Строев. 1891. С. 138–140.

¹⁷ Иосиф, иеромонах. 1882. С. 149; Строев. 1891. С. 138.

¹⁸ РГБ, Вол., № 515. Л. 410 об.; Ключевский. 1871. С. 206, прим. 1.

¹⁹ РГБ, Вол., № 515. Л. 410 об.

Помимо частого употребления местоимений первого лица автор иногда указывает и свое имя. В.О. Ключевским был отмечен лишь один из таких случаев. Однако в тексте Повести о преподобном Пафнутии их можно найти больше. Рассмотрим другие фрагменты текста, в которых автор одновременно говорит о себе в первом лице и называет свое имя: «Таже по малѣ глагола ми: “Братѣ Иннокентѣте! Правѣду ли се ты глаголеши?” Мънѣ же молчащѣ, еда како смѣтихъ старьца»²⁰; «Старець же глаголаше: “Никто же ми сие сотвори, точно Иннокентѣте, тому се повелѣвшѣ”²¹. Азъ же и рещи не смѣях, что о семъ неповиненъ есмь»²¹; «Мънѣ же и окъна не дошедшѣ, ученикъ старьцевъ възъзва со ужасомъ: “Иннокентѣте! Иннокентѣте!” Азъ же скоро объративъся, рѣх: “Что видиши?”»²².

Приведенные примеры убедительно свидетельствуют о том, что автором Повести был именно Иннокентий Дивный, неоднократно упоминавший свое имя в тексте памятника. Кроме того, они наглядно показывают, что литературный стиль этого книжника отличается ярко выраженным автобиографизмом.

Более сложным является вопрос о времени создания Повести о преподобном Пафнутии. По мнению В.О. Ключевского, Повесть была написана в 1477 или 1478 г. до ухода Иосифа Санина из монастыря Рождества Богородицы.²³ Основанием для такой датировки послужил приведенный Иннокентием перечень иноков, которые пришли навестить умирающего Пафнутия Боровского и могли бы подтвердить достоверность рассказа автора; в их числе назван и Иосиф Санин²⁴. Вот, как говорится об этом в тексте Повести: «Аще ли же реченная вамъ, братие, не вѣрѣна мнятъся, не буди мънѣ лъгати на преподобнаго, понеже и свѣдѣтелие сѣть неложьнии; придоша тогда братиа на посѣщение старьца – Иосиф, Арьсенен и Варсанофеи, и келеникъ старьцевъ»²⁵.

Некоторые основания датировки Ключевского, на наш взгляд, уязвимы. Во-первых, следует обратить внимание на то, что Иннокентий Дивный просто перечислил участников события, а не подчеркнул, что во время создания Повести о преподобном Пафнутии все названные иноки все еще находились в монастыре Рождества Богородицы под Боровском. Во-вторых, несмотря на то, что, по мнению А.А. Зимина и А.И. Алексе-

²⁰ Там же. Л. 411.

²¹ Там же. Л. 414.

²² Там же. Л. 418.

²³ *Ключевский*. 1871. С. 207.

²⁴ Там же. С. 207.

²⁵ РГБ, Вол., № 515. Л. 408-408 об.

ва, Иосиф Санин окончательно покинул обитель, основанную Пафнутием Боровским, лишь в мае 1479 г.²⁶, но и до этого времени он часто и подолгу отсутствовал в монастыре. Так, сразу после кончины Пафнутия Боровского Иосиф ездил в Москву, где великий князь Иван III Васильевич утвердил его на игуменство²⁷. Вернувшись в обитель, Иосиф Санин довольно быстро покидает ее и отправляется в путешествие по русским монастырям до 1479 г.²⁸ Таким образом, упоминание Иосифа Санина в Повести о преподобном Пафнутии как одного из свидетелей достоверности рассказа Иннокентия Дивного, как нам представляется, не является убедительным аргументом для датировки памятника.

Рассмотрим свидетельства, позволяющие уточнить датировку сочинения Иннокентия Дивного. Во-первых, Повесть о преподобном Пафнутии была написана после преставления игумена-основателя обители Рождества Богородицы, поскольку в ней описаны последние восемь дней жизни старца и его погребение, т.е. она охватывает события с 24 апреля по 2 мая 1477 г.²⁹ Следовательно, нижняя хронологическая граница создания памятника – не ранее 2 мая 1477 года. Во-вторых, в Повести упомянута великая княгиня Мария Ярославна³⁰, дочь князя Ярослава Владимировича Боровского и Серпуховского и мать великого князя Ивана III Васильевича. Согласно летописным данным, Мария Ярославна постриглась в монахини на Сретение, 2 февраля 1479 года и была названа Марфой³¹. После 2 февраля 1479 года великая княгиня Мария Ярославна упоминается в источниках как «**великая княгиня инока Марфа**» или «**великая княгиня Марфа**».³² Пострижение в монахини дочери князя Ярослава Владимировича Боровского и Серпуховского, которая, по свидетельству Иннокентия Дивного, «**велику вѣрѹ имѣше къ Пречистые монасътьрю и любовь къ своему вогомольцу, старьцу Пафънотью, яко же инъ никъто же**»³³, не могло остаться неизвестным в Боровске и в находящемся рядом с городом монастыре Рождества Богородицы.

О том, что в Пафнутиевом Боровском монастыре великую княгиню Марию Ярославну после пострижения называли ее иноческим име-

²⁶ Зимин. 1977. С. 50; Алексеев. 2010. С. 19.

²⁷ Зимин. 1977. С. 45.

²⁸ Там же. С. 48–50.

²⁹ РГБ, Вол., № 515. Л. 395–419.

³⁰ Там же. Л. 405.

³¹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 198; ПСРЛ. Т. XII. С. 188; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 265–266; ПСРЛ. Т. XXV. С. 322.

³² ПСРЛ. Т. VIII. С. 206, 215–216; ПСРЛ. Т. XII. С. 200, 216; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 268, 270–271; ПСРЛ. Т. XXV. С. 327; ПСРЛ. Т. XXVI. С. 264–265, 277, 327.

³³ РГБ, Вол., № 515. Л. 405.

нем, свидетельствует синодик, составленный в обители. Его сведения заслуживают самого пристального внимания.

В настоящее время синодик хранится в коллекции Калужского областного краеведческого музея, № 7388 (далее – КОКМ, Кл., № 7388). Синодик написан на 191 листе разными почерками полууставом, полууставом с элементами скорописи и скорописью, формат рукописи в 1°.

О времени составления синодика и лицах, принимавших в этом участие, сообщается в специальной записи, сделанной полууставом: «В лѣта 7162-го декавря въ 8 день списана бысть сия душеполезная и спасительная книга, нарицаемая синоникъ с Пофнѣтъева съ старого синоника. А переписан же бысть при благовѣрном и христоролюбивомъ государе царе и великомъ князе Алексѣе Муханловиче всеа Русии и при отце его и богомолце великого господина святѣишаго Никона патриарха Московъском и всеа Русии на память преподобнаго отца нашего Патапия. А совершена бысть того же году апрѣля въ 17 день, на память преподобнаго отца нашего Симеона иже в Персиде. Написанъ же бысть въ пречестную обитель Пресвятыя Владычица наша Богородицы и Приснодевы Марія честного и славнаго ея рождества во обыщи монастырь Пафнѣтъевъ. А замышлениемъ и состроениемъ келаря Иова Панина. А преписанъ же бысть сии синоникъ многогрѣшным и непотребнымъ рабом Муханлицемъ»³⁴. Согласно этой записи, синодик КОКМ, Кл., № 7388 был начат 8 декабря 1653 г., а завершён 17 апреля 1654 г. Инициатором составления синодика был келарь Иов Панин, а исполнителем работ – Михайлец, вероятно, один из иноков обители. Важно подчеркнуть, что анализируемый синодик является копией более древнего – «старого» – синодика монастыря Рождества Богородицы и, следовательно, отражает более раннюю традицию поминания в данной обители.

В синодике КОКМ, Кл., № 7388 есть помянник, посвященный княгиням, который выделен киноварным заголовком «Помяни, Господи, благочестивыя княгини»³⁵. Первыми в помяннике княгини названы следующие имена: «Великую кнегиню иноку Евфросинию. Великую кнегиню Софью. Великую кнегиню иноку Марфу. Великую кнегиню Марию»³⁶.

Под именем великой княгини иноки Евфросинии в данном случае имеется в виду София Витовтовна – дочь великого князя Литовского Витовта, жена великого князя Василия I Дмитриевича. Она преставилась 5 июля 1453 года и была погребена в московском Вознесенском мона-

³⁴ КОКМ, Кл., № 7388. Л. 179–179 об.

³⁵ КОКМ, Кл., № 7388. Л. 37 об.

³⁶ Там же. Л. 37 об.

стыре, «идѣ же и свекры ея великаа княгини Евдоѣа, а наречена въ мнишьском чинѣ Евфросинья»³⁷. Вторая записанная в помяннике княгиня – София Фоминична, дочь Морейского деспота Фомы Палеолога, вторая жена великого князя Ивана III Васильевича. Она умерла 7 апреля 1503 г. и была погребена в московском Вознесенском монастыре³⁸. Далее записано имя великой княгини иноки Марфы – до пострижения Марии Ярославны, жены Василия II Васильевича Темного, дочери князя Ярослава Владимировича Боровского и Серпуховского, умершей 4 июля 1485 г.³⁹ Последним указано имя великой княгини Марии – дочери великого князя Бориса Александровича Тверского, первой жены Ивана III Васильевича. Она умерла 22 апреля 1467 г. в 3 часа ночи и была погребена в московском Вознесенском монастыре 24 апреля⁴⁰. Следует отметить, что последовательность имен великих княгинь в помяннике перепутана. После Софии-Евфросинии Витовтовны должна быть записана Мария Борисовна, а затем – Мария-Марфа Ярославна и София Фоминична.

В синодике монастыря Рождества Богородицы Мария Ярославна записана как «великая кнегиня инока Марфа», как и в других источниках после ее пострижения в монахини. В Повести о преподобном Пафнутии она названа еще своим мирским именем: «великая княгиня Мария»⁴¹. Если бы Иннокентий Дивный писал Повесть о преподобном Пафнутии после 2 февраля 1479 г., он бы назвал Марию Ярославну «великою княгиницею инокою Марфою» или «великою княгиницею Марфою». Верхним хронологическим рубежом создания Повести о преподобном Пафнутии можно считать февраль 1479 года. Таким образом, Иннокентий Дивный написал свое сочинение после 2 мая 1477 года и до февраля 1479 года.

Теперь следует остановиться на деятельности Иннокентия Дивного в обители Рождества Богородицы под Боровском. Я.С. Лурье предположил (не приведя доказательств в подтверждение своего мнения), что Иннокентий был келейником Пафнутия Боровского и не занимал сколько-нибудь видного места в управлении монастырем⁴².

Свидетельство того, что Иннокентий Дивный пользовался особым уважением среди братии монастыря Рождества Богородицы и играл в жизни обители не последнюю роль, содержится в Житии Пафнутия Боровского. Согласно Житию, Иннокентий принадлежал к числу «древних

³⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 273; ПСРЛ. Т. XXVI. С. 212.

³⁸ ПСРЛ. Т. XXVI. С. 296.

³⁹ Там же. С. 277, 327.

⁴⁰ Там же. С. 222.

⁴¹ РГБ, Вол., № 515. Л. 405.

⁴² История русской литературы... С. 208–209.

ученикъ» преподобного вместе с Исайей Черным, «иже и сродникъ взяше по плоти просвѣщенному оному старьцу»⁴³. Принадлежность Иннокентия Дивного к «древнимъ ученикамъ» Пафнутия явно выделяла его среди прочих иноков обители. Но чтобы представить значение и место Иннокентия в жизни монастыря Рождества Богородицы более детально, необходимо обратиться к написанной им Повести о преподобном Пафнутии.

С самого начала своего сочинения Иннокентий Дивный стремится продемонстрировать важность той роли, которую он играл в обители. Так, он описывает свой разговор с Пафнутием Боровским, во время которого игумен дает ему указания по починке плотины на монастырском пруду⁴⁴. Иннокентий исполняет поручение старца: «**пояхъ съ совою братию, ихъ же ми повелѣ, и преже со старьцемъ бывъшая ученика его Варьсанофия, Зосиму и Малъха**»⁴⁵. Отметим, что здесь Иннокентий выступает как руководитель хозяйственной работы других иноков.

Иннокентий стремится подчеркнуть свою заботу о благосостоянии монастыря. Так, 25 апреля 1477 года в обитель «**привезоша грамоты от предѣла тѣферскаго да деньги золотые**», которые Иннокентий принес в келью Пафнутия Боровского⁴⁶. Однако старец не разрешил прочитать грамоты и велел вернуть их вместе с деньгами. На что Иннокентий ответил старцу: «**Повели мнѣгъ възяти, нам то надобе**». Пафнутий Боровский повторно запретил принимать принесенные деньги и грамоты: «**Ты возмешь – ино то я възял**»⁴⁷. В результате Иннокентий выполнил повеление игумена и все вернул⁴⁸. Данный фрагмент имеет большое значение для понимания роли Иннокентия в жизни монастыря Рождества Богородицы. Его стремление оставить грамоты и деньги из Твери на благоустройство обители и настойчивое обращение по этому поводу к Пафнутию Боровскому свидетельствуют, что он занимал особое место среди братии и ведал, вероятнее всего, вопросами благоустройства монастыря. Это предположение подтверждается и приведенным выше отрывком о починке под руководством Иннокентия монастырской плотины. Следует также обратить внимание на слова Пафнутия о том, что желание Иннокентия оставить привезенный вклад, могло быть воспринято пришедшими тверичами как исполнение воли игумена. В Иннокентии Дивном, скорее всего, многие видели не только приближенного к настояте-

⁴³ РГБ, Вол., № 659. Л. 121.

⁴⁴ РГБ, Вол., № 515. Л. 395 об.

⁴⁵ Там же. Л. 396 – 396 об.

⁴⁶ Там же. Л. 398 об.

⁴⁷ Там же. Л. 398 об.

⁴⁸ Там же. Л. 398 об. – 399.

лю инока, которому поручена забота о монастыре Рождества Богородицы, но и возможного преемника старца – следующего игумена обители.

Об особом положении Иннокентия в монастыре свидетельствует также тот факт, что именно к нему обращались все приходящие посетить Пафнутия Боровского. Среди просивших Иннокентия Дивного о возможности увидеть старца были посланники от великого князя Ивана III Васильевича, великих княгинь Марии Ярославны и Софии Фоминичны, удельного князя Михаила Андреевича Верейского, митрополита Геронтия, а также наместник города Боровска Василий Федорович, инок из Кирилло-Белозерского монастыря Дионисий «и от прочего народа, от бояръ же и от просьтых, со всѣх странъ приходящих»⁴⁹.

Как видно из Повести о преподобном Пафнутии, монастырь Рождества Богородицы и его игумен-основатель пользовались большим почитанием у членов великокняжеской семьи. Посланники великого князя Ивана III Васильевича, неоднократно приходившие посетить старца, постоянно обращались к Иннокентию, о чем он пишет: «**О всем прихдят ко мнѣ, понеже къ старьцу не полчиша въхода, глаголюще ми слово великаго князя, чьтобы на всяко видѣти старьца и всѣды от него сподобитися, понеже мѣного оскорьвишася, не приемше извѣщения от преже посланьныхъ**»⁵⁰. Таким образом, Иннокентий Дивный исполнял функции доверенного лица Пафнутия в отношениях с великокняжеской семьей, удельными князьями, митрополитом и другими лицами, но право принимать окончательные решения по различным вопросам оставалось у игумена. Так, посланник от великой княгини Софии Фоминичны «еще же и деньги златые приноситъ»⁵¹. Иннокентий не смог добиться для него возможности посетить старца и вынужден был отпустить посланника «со златом»⁵², как и в случае с грамотами и золотом из Твери.

Круг вопросов, которыми занимался Иннокентий в обители, достаточно широк: он руководил работами иноков по починке плотины на монастырском пруду, заботился о благосостоянии обители, исполнял функции доверенного лица Пафнутия в отношениях с великокняжеской семьей, удельными князьями, митрополитом и другими лицами, принимал приносивших вклады в монастырь. Исходя из этого, можно вполне обоснованно говорить о том, что Иннокентий Дивный был келарем обители Рождества Богородицы под Боровском. Будучи келарем, Иннокентий являлся одним из соборных старцев. А.А. Зимин выделял соборных

⁴⁹ РГБ, Вол., № 515. Л. 397–398 об., 402 об. – 403 об., 404 об. – 405 об., 412–414.

⁵⁰ Там же. Л. 412–412 об.

⁵¹ Там же. Л. 405 об.

⁵² Там же.

старцев в отдельную группу монашеской братии, в которую входили келарь и казначей. Соборных старцев обычно было 10 человек. Они совместно с игуменом направляли всю деятельность монастыря⁵³.

Все вышесказанное позволяет поставить под сомнение точку зрения Я.С. Лурье, согласно которой Иннокентий не занимал «скольконибудь видного места в управлении монастыря»⁵⁴ и его предположение о том, что Иннокентий был келейником Пафнутия⁵⁵. Сведения Повести о преподобном Пафнутии полностью опровергают это предположение. Так, Иннокентий, рассказывая о посетивших болеющего Пафнутия иноках, называет кроме себя еще ряд монахов, среди которых был и неизвестный по имени келейник: «**придоша тогда брати на посѣщение старьца – Иосиф, Арьсенен и Варсанофен, и келеникъ старьцевъ**»⁵⁶.

Для Иннокентия очень важным был вопрос о завещании Пафнутия Боровского, в том числе о кандидатуре нового игумена. 28 апреля 1477 г., за три дня до преставления старца, он обращается к нему с просьбой: «**Государь Пафнотен! Повели при своемъ животѣ написати завѣщаніе о монастырском строении: какъ въратии по тевѣ жити и кому игумену быти повелиши?**», и отмечает, что эти вопросы имели большое значение для него: «**аз же от многих помыслъ борим, како хощеть после сътарца быти състроение монастырское**»⁵⁷. Но Пафнутий, ограничившись устными наставлениями о том, как должна жить после его смерти монашеская братия, ничего не сказал о кандидатуре нового игумена⁵⁸.

Иннокентий неоднократно и чрезвычайно настойчиво обращался к старцу с просьбой назвать имя своего преемника. 30 апреля, за день до преставления Пафнутия Боровского, Иннокентий в очередной раз возвращается к вопросу о преемнике старца: «**Чему, господине, мольчиши? Что еси здумалъ, кому приказываеши монастырь, братии ли или великому князю? О чемъ не глаголеши?**». Ответ Пафнутия был простым: «**Пречистон**»⁵⁹. Вероятно, Иннокентий, в ведении которого находились многие важные вопросы монастырской жизни, был (или считал себя?) одним из главных кандидатов в игумены обители после смерти старца. Об этом свидетельствует упорство, с которым Иннокентий пытался узнать у умирающего Пафнутия Боровского, кому он поручит обитель.

⁵³ Зимин. 1977. С. 112.

⁵⁴ История русской литературы... С. 209.

⁵⁵ Там же. С. 208–209.

⁵⁶ РГБ, Вол., № 515. Л. 408–408 об.

⁵⁷ Там же. Л. 407–407 об.

⁵⁸ РГБ, Вол., № 515. Л. 407 об. – 408.

⁵⁹ Там же. Л. 411.

Как следует из Повести о преподобном Пафнутии, воля настоятеля так и осталась неизвестной. В Москве великий князь Иван III Васильевич утвердил на игуменство Иосифа Санина⁶⁰. Указать точные причины, по которым великий князь предпочел в качестве настоятеля Пафнутиева Боровского монастыря видеть не Иннокентия Дивного, а Иосифа Санина, достаточно сложно. Не исключено, что Иван III мог быть разгневан на Иннокентия из-за того, что тот не допускал к умирающему Пафнутию великокняжеских посланников. Иннокентий так описывает один из случаев, когда от великого князя к старцу пришел Федор Викентиев с посланием⁶¹. Иннокентий попытался убедить Пафнутия принять посланника великого князя: «*Азъ же рѣху емѹ: “Вѣмъ и азъ о тебѣ снѹ тако сѹтъ, но Бога ради намъ полезное сотвори, понеже хощетъ князь велики; о семъ оскрѣвитися, не разгнѣви его!”*»⁶². Но в итоге Иннокентий был вынужден передать Федору Викентиеву отказ в посещении старца и вернуть послание⁶³. Так же Иннокентий был вынужден отказать в посещении Пафнутия Боровского и другому посланнику от великого князя протопопу Благовещенского собора Федору⁶⁴. Приведенные примеры, по-видимому, указывают на одну из возможных причин, повлиявших на выбор великого князя в пользу Иосифа Санина.

Есть основания полагать, что после смерти Пафнутия Боровского между иноками монастыря Рождества Богородицы имел место конфликт. В Повести о преподобном Пафнутии Иннокентий по этому поводу пишет: «*Таже по малѣ часѣ начатъ глаголати старецъ, слезамъ очию текущимъ: “... Но вѣмъ, яко по отшествии моемъ Пречистые монастырю видѣть мятежникъ мѣного. Мѣню, дѹшу мою смѣти и въ братии мятежъ сотвори...”*. Но почюдихъ старьцевѹ проречению, понеже снѹ въскорѣ въ дѣло произыдоша: единъ день, пятокъ, безмолъствова, в онъ же день старьца въ гробѣ положихомъ»⁶⁵. Несомненно, «мятеж» среди монахов был вызван вопросом о выборе нового игумена.

На сложную ситуацию в монастыре Рождества Богородицы после смерти Пафнутия указывает также анонимное Житие Иосифа Волоцкого. По мнению Я.С. Лурье и ряда других исследователей, автором этого Жития был Лев Филолог⁶⁶. В нем сказано, что Иосиф Волоцкий оставил

⁶⁰ Зимин. 1977. С. 45.

⁶¹ РГБ, Вол., № 515. Л. 404 об.

⁶² Там же. Л. 405.

⁶³ Там же. Л. 405.

⁶⁴ РГБ, Вол., № 515. Л. 412–413.

⁶⁵ Там же. Л. 407 об. – 408 об.

⁶⁶ Лурье. 1988. С. 274.

игуменство в монастыре Рождества Богородицы, встретив среди братии непонимание и сопротивление: «Но понеже явишася въ братии несъгласна, отнюду же прерѣканиа и съпротивлениа къ игумену, тѣм же, цстѹпивъ имъ, сниде от настоятельства, попусти братии любимаго имъ игумена поставити себѣ, предстаавъ тѣмъ нѣгдѣ до двою лѣтъ»⁶⁷. Уход Иосифа Волоцкого из монастыря и предложение братии выбрать себе «любимаго» настоятеля, свидетельствуют о том, что часть монахов не принимала его в качестве игумена и противодействовала ему. Это известие Жития Иосифа Волоцкого подтверждает сообщение Повести о преподобном Пафнутии о том, что вопрос о выборе нового игумена стал причиной «мятежа» в монастыре Рождества Богородицы. В целом, Иосиф Санин недолго был настоятелем в Пафнутиевом Боровском монастыре. Как уже упоминалось, в мае 1479 года он вместе со своими сторонниками оставляет монастырь под Боровском и уходит в Волоцкое удельное княжество, где создает обитель Успения Богородицы⁶⁸.

Подводя итоги, следует отметить, что Иннокентий Дивный справедливо может считаться первым известным писателем, трудившимся в монастыре Рождества Богородицы под Боровском. Его принадлежность к числу «древних» учеников Пафнутия Боровского позволяет говорить о том, что как писатель он сформировался именно в этой обители и положил в последней четверти XV века начало литературной школы монастыря. Иннокентий был автором Повести о преподобном Пафнутии, которую Д.С. Лихачев назвал «своеобразным литературным “чудом” XV века»⁶⁹. Этот памятник, как было показано, следует датировать временем после 2 мая 1477 года и до февраля 1479 года. Иннокентий Дивный был не просто монастырским книжником, он играл важную роль в жизни обители Рождества Богородицы, о чем свидетельствует написанная им Повесть о преподобном Пафнутии. Он был келарем монастыря и входил в состав соборных старцев. Кроме того, есть некоторые основания полагать, что Иннокентий Дивный был одним из кандидатов на игуменство в монастыре Рождества Богородицы после смерти Пафнутия Боровского. Вопрос о выборе нового настоятеля стал причиной конфликта среди монастырской братии. Великий князь Иван III Васильевич поставил на игуменство Иосифа Санина. Однако неприятие частью братии нового игумена вынудило его покинуть обитель. Дальнейшая судьба Иннокентия Дивного неизвестна.

⁶⁷ Житие преподобного Иосифа Волоколамского... С. 18.

⁶⁸ Зимин А. А. 1977. С. 50.

⁶⁹ Лихачев Д. С. 2006. С. 144.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Российская государственная библиотека (РГБ), фонд 113 – собрание Иосифо-Волоколамского монастыря (Вол.), № 515. Л. 395–419.
РГБ, Вол, № 659.
- Калужский областной краеведческий музей (КОКМ), Коллекция (Кл.), № 7388.
- Алексеев А.И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010.
- Барсуков Н.П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.
- Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 7. Вторая половина XV века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и др. СПб., 2005.
- Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966.
- Дмитриев Л.А.* Записка ли «Записка о последних днях Пафнутия Боровского» Иннокентия? // Исследования по древней и новой литературе / Отв. ред. Л.А. Дмитриев. Л., 1987. С. 59 – 64.
- Дмитриева Р.П.* Марк Левкеинский // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 2: Л-Я / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1989. С. 102–103.
- Дробленкова Н.Ф.* Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси (СККДР). Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 2: Л-Я / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1989. С. 76–88.
- Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным (по двум рукописям собрания П.А. Овчинникова) / Предисл. С.А. Белокурова // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1903 г. Кн. 3. М., 1903.
- Жития святых в древнерусской письменности. Вып. 1. Тексты. Исследования. Материалы / Отв. ред. и сост. М.С. Крутова. М., 2002. С. 147–151.
- Записка Иннокентия о последних днях учителя его Пафнутия Боровского // Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 439–453 (репринтное издание: М., 1988. С. 439–453).
- Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977.
- Иосиф, иеромонах.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882.
- Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я.С. Лурье. Л., 1970.
- История русской литературы. Т. I. Древнерусская литература. Литература XVIII века / Под ред. Д.С. Лихачева, Г.П. Макогоненко. Л., 1980.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Крушельницкая Е.В.* Филигранные на бумаге документов и рукописных книг, созданных в Соловецком монастыре в XVI в. // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря / Отв. ред. С.А. Семячко. СПб., 2004.
- Леонид (Кавелин), архимандрит.* Историческое описание Боровского Пафнутиева монастыря. М., 1859.
- Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. 3-е изд. М., 2006.
- Лурье Я.С.* Вассиан Санин // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 1: А-К / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988. С. 125–126.

- Лурье Я.С.* Житие Иосифа Волоцкого // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 1: А-К / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988. С. 274.
- Лурье Я.С.* Иннокентий // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 1: А-К / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988. С. 404–405.
- Лурье Я.С.* Иосиф Волоцкий // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 1: А-К / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988.
- Макарий (Веретенников), архимандрит.* Жизнь и труды святителя Макария, Митрополита Московского и всея Руси. М., 2002.
- Некрасов И.С.* Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Ч. I. О первичных редакциях жизнеописаний подвижников Северной Руси XV, XVI и XVII века. Одесса, 1870.
- Осипов В.И.* Из истории Пафнутьев-Боровского монастыря в XV–XVI вв. // Монастыри в жизни России. Материалы научной конференции / Сост. В.И. Осипов. Калуга; Боровск, 1997.
- Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). Вторая половина XV века / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1982.
- Повести и сказания Древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко; под ред. Д.С. Лихачева. СПб., 2001.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001.
- ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007.
- ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.
- ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М., 2006.
- Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // ПЛДР. Вторая половина XV века / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1982. С. 478–513.
- Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // Повести и сказания Древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко; под ред. Д.С. Лихачева. СПб., 2001. С. 403–420.
- Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // БЛДР. Т. 7. Вторая половина XV века / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева и др. СПб., 2005. С. 254–285.
- Строев П.М.* Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутиева Боровского. СПб., 1891.
- Хрущов И.П.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868.
- Федотов Сергей Вячеславович** – аспирант Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН. fedotowsv@rambler.ru